

УДК 101.1:316

ББК 87.3

С-92

Схаляхо Дарико Саферовна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела литературы АРИГИ им. Т.М. Керашева; т.: 8(961)8193239.

**МОРАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ ТЕМЫ МУЖЕСТВА И
БЕСЧЕСТИЯ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР И ВРЕМЁН
(рецензирована)**

Цель исследования – выявление этнической составляющей художественных образов поэмы М.Ю. Лермонтова «Беглец» и повести Ю.Г. Чуюко «Последний лай старого выжлеца». В статье прослеживается, как в разные исторические эпохи М.Ю. Лермонтов и Ю.Г. Чуюко осмысливают в своих произведениях тему мужества и бесчестия. Оба автора взяли очень сложный момент истории, поставивший героев перед трудным моральным выбором. Они, свидетельствуя о высокой мере строгости черкесских представлений о боевой чести и достоинстве, раскрывают участь труса через образы Гаруна («Беглец») и Гусарука («Последний лай старого выжлеца»). Индивидуализм героев трактуется ими в морально-философском аспекте, предусматривающем, что славная кончина лучше, чем позорное спасение. Основной вывод, вытекающий из сопоставительного анализа поэмы М.Ю. Лермонтова «Беглец» и повести Ю.Г. Чуюко «Последний лай старого выжлеца» состоит в том, что этническая ментальность не исчезает, но она видоизменяется в разные исторические периоды.

Ключевые слова: народ, ментальность, мужество, трусость, бесчестие, стыд, моральный выбор, национальный характер, конфликт.

Skhalyakho Dariko Saferovna, Candidate of Philology, senior researcher of Literature Department of ARIHR named after T.M. Kerashev; t.: 8(961) 8193239.

**MORAL AND PHILOSOPHICAL ASPECTS OF COURAGE AND DISHONOR IN THE
CONTEXT OF THE DIALOGUE OF CULTURES AND TIMES
(Reviewed)**

The purpose of the research is identification of an ethnic component of the artistic images of M.Y. Lermontov's poem "The Fugitive" and Y.G. Chuyako's novel "The last barking of an old hound". The article traces the way M.Y. Lermontov and Y.G. Chuyako comprehend courage and dishonor in their works in different historical periods. Both authors considered a very difficult historical period, which put the characters to make difficult moral choices. They reveal the fate of a coward through the images of Harun ("The Fugitive") and Gusaruk ("The last barking of an old hound"), indicating high severity of the Circassian ideas about honor and dignity. Individualism of the characters interpreted by them in a moral and philosophical aspects, it is contemplated that a glorious death is better than a shameful salvation. The main conclusion to be drawn from the comparative analysis M.Y. Lermontov's poem "The Fugitive" and G. Chuyako's novel "The last barking of an old hound" is that the ethnic mentality does not disappear, but it is modified in different historical periods.

Keywords: people, mentality, courage, cowardice, dishonor, shame, moral choices, national character of a conflict.

Процесс этноисторического самопознания адыгского этноса ставит в качестве одного из главных вопросов об этноментальных основах адыгского гуманитарного пространства. Понять пути развития культурно-этнического бытия народа невозможно без

определения историко-культурной генеалогии и этноментальных основ богатейшей национальной словесности. Потому что именно язык и литературное творчество являются отражением сущностной потребности этноса определить своё место в сложном многообразии мировой культуры.

В аспекте обозначенной проблемы особого внимания заслуживает вопрос, касающийся военно-этического комплекса адыгов в дискурсе философии и культурологии. В рамках этой проблематики остановимся на выявлении историко-культурных истоков художественных образов в поэме М.Ю. Лермонтова «Беглец» и повести Ю.Г. Чуяко «Последний лай старого выжлеца».

Оба автора взяли очень сложный момент истории, поставивший героев перед трудным моральным выбором. М.Ю. Лермонтов – период Русско-Кавказской войны XIX века, Ю.Г. Чуяко – период Великой Отечественной войны 1941-1945 годов XX столетия. Несмотря на более чем столетнюю протяженность расстояния между этими событиями, общее качество, которое объединяет героев М.Ю. Лермонтова и Ю.Г. Чуяко – это трусость. Представляется интересным проследить, как в разные исторические эпохи эти авторы осмысливают в своих произведениях тему мужества и бесчестия.

Учеными подчеркивается, что «источниками ментальности адыгов могут служить работы тех исследователей, которые понимали необходимость познания особенностей образа жизни горцев, их национального характера и культуры и стремились просветить в этом смысле общественность России – познакомить ее с Кавказом» [1, с. 466-467]. М.Ю. Лермонтов был первым из тех, после А.С. Пушкина, кто поставил как задачу выявление отличительных свойств черкесского национального характера. В своих кавказских произведениях, особенно в поэме «Беглец», он фактически коснулся тех сторон черкесского национального характера, которые объединяются понятиями ментальность и менталитет.

Менталитетом «объясняют то, - пишет О.Н. Бакуменко, – что в истории и культуре других народов кажется странным и непонятным. Ментальность «находится» глубже мышления, норм поведения, сферы чувств. Она не структурирована и представляет собой некую предрасположенность, внутреннюю готовность человека действовать определённым образом» [2, с. 207]. В аспекте такого восприятия понятия ментальности выявление историко-культурных истоков художественных образов поэмы «Беглец» позволит воспринять не только эстетическое содержание текста поэмы М.Ю. Лермонтова, но и духовный язык наших предков как высшее начало исторической памяти народа.

Понятно, что каждый народ имеет свой образ мышления, свою систему мировоззрения, которые в значительной степени и определяют направленность его развития. Эта система духовно-нравственных моделей мышления и поведения народа сформировывается в течение тысячелетий в традициях, зависимых от вкусов, представлений и взглядов данного этноса. В этом процессе определялись характер взглядов на хорошее и плохое, доброе и злое, героическое и трагическое. В XIX веке «трагичность исторической судьбы адыгов выразилась в том, - пишет К.Н. Паранук, – что самой востребованной из всех возможных ремесел и профессий оказалась профессия воина. Суровая кочевая жизнь, бесконечные походы, постоянная готовность защитить свою «райскую» землю, которая всегда была предметом вождения для захватчиков –

выпестовали из адыгов искусных воинов и непоколебимых защитников Отечества» [3, с. 69-70].

В связи с этим в системе адыгской этики ключевым стал принцип мужества. В глазах народа человек, проявивший слабость и оставивший поле битвы до окончания войны, становился объектом всеобщего посмешища. Поступок изменника накладывал отпечаток и на его близких, которые не имели права показываться в общественных местах до тех пор, пока виновник не искупит свою вину в очередной войне, где храбро сражаясь, должен был или победить врага или погибнуть. Необходимым условием сохранения этноментального своеобразия народа являлось строгое соблюдение этих правил, поскольку они вобрали в себя жизненный опыт и этикет многих поколений и отражали устоявшуюся нравственную, духовную культуру народа. Поэтому главные ментальные черты адыгов первой половины XIX века и оказались ориентированными на традиционные ценности, связанные с культом воинской доблести и сопутствующего ему своеобразного рыцарского духа и рыцарских правил поведения. Народный метод воспитания любви к Отечеству предусматривал, чтобы человек во имя его жертвовал личным счастьем, даже своей жизнью, если обстоятельства этого требовали. В поэме М.Ю. Лермонтова и повести Ю.Г. Чуюко тема мужества осмысливается как раз в контексте общеадыгской этики адыгагэ (адыгство), являющемся механизмом культурной самоорганизации этнического социума.

«Беглец» М.Ю. Лермонтова – поэма о рыцарской этике черкесского народа и об участии труса. Гарун, герой поэмы, бежит с поля боя, где, героически сражаясь, сложили свои головы его отец и два брата. Подвиг отца и его сыновей подаётся автором в соответствии с адыгским морально-правовым кодексом поведения человека на войне, предпочитающем смерть позорному бегству, ибо гражданское и героическое содержание жизни является для них единственным смыслом и целью человеческого бытия. В отличие от них Гарун своим поступком нарушил установившиеся нравственные приоритеты: перед альтернативой потерять жизнь или потерять честь он предпочел остаться живым. В глазах соплеменников Гарун, позорно струсивший перед опасностью, стал предателем заветов предков. Оставив поле битвы в то время, когда «черкесы гибнут – враг повсюду», пренебрег своими нравственными обязанностями, нарушил особенности адыгских нравов (адыгэ шэн): не отомстил за отца и братьев ради спасения себя одного. Индивидуализм героя здесь трактуется автором в морально-философском аспекте как источник предательства.

Но герой не только пренебрёг свои обязанности. М.Ю. Лермонтов пишет: «Гарун забыл свой долг и стыд». Примечательно то, что поэт смог сориентироваться на основную ментальную доминанту черкесского общества, «на так называемую «культуру стыда» (ук1ытэ – Д.С.), суть которой состоит в том, что представитель общества в высшей степени озабочен тем, чтобы не допустить морального осуждения своих действий со стороны общины» [4, с. 14].

В данном случае «социальный контроль... проявляется в форме общественного мнения, которое для адыгов по существу имеет силу закона. Известно, что самым страшным для адыгов считается худое слово, худая молва» [5, с. 182]. Именно поэтому общественное мнение у адыгов являлось мощным фактором, выполняющим важные ориентирующие, контролирующие функции, ибо чувство стыда, «в котором... доминирует страх, как бы предупреждающий бесчестие, позор» [6, с. 30], становилось механизмом

общественного контроля, его использование позволяло обществу не допустить отклонений, способных нарушить равновесие сложившихся социальных связей и отношений. Такой механизм ментальной организации фактов и отношений действительности заставлял любого члена социума жить в боязливой оглядке на людское мнение. Тот, кто не соответствовал традиционно-ценностным установкам и критериям общества вступал в социальное противостояние со своим народом. Поэма «Беглец» как раз и представляет собой образец такого конфликта.

Общество, приверженное к традиционным социокультурным ценностям, не может простить Гаруну проявленную им на войне слабость. Отступничество Гаруна от обусловленных обществом особенностей адыгских нравов (адыгэ шэн) лишает его социального статуса, поэтому он должен быть изгнан.

Постыдный поступок определил отталкивающее отношение близких к беглецу-Гаруну. И эта сила общественного приговора, обрекая его на одиночество, была настолько велика, что он предпочел расстаться с жизнью. Потому что, хоть он и осознавал, что нарушил нравственно-поведенческие правила своего народа, в то же время не мыслил себя, вне своего этноса. И когда произошел разрыв с ним, тогда и его жизнь потеряла смысл. Этим обусловлено его самоубийство. Отсюда напрашивается вполне оправданный вывод о невозможности личного благополучия и счастья вне благополучия и счастья всего народа. Так через отрицательный типаж героя-изгоя М.Ю. Лермонтов выразил менталитет адыга-черкеса. В лице Гаруна «автор с гражданских позиций осуждает и развенчивает в поэме индивидуализм, замыкающий человека в узкие рамки личных интересов и противостоящий общественной морали» [7, с. 133]. А в образах, осудивших поступок предателя, М.Ю. Лермонтов «утверждает гражданское и героическое содержание жизни, как единственный высокий смысл и цель человеческого бытия» [7, с. 132].

Следует отметить, что к концу XX столетия у художников слова вновь наметился повышенный интерес к тому, что именуется менталитетом (ментальностью). Об этом свидетельствует тот факт, что тема, поднятая М.Ю. Лермонтовым в поэме «Беглец», приобретает определенную окраску и в повести Ю.Г. Чуяко «Последний лай старого выжлеца». Гусарук, герой повести Ю.Г. Чуяко, как и Гарун в свое время, оставляет войско и возвращается домой. Но в отличие от Гаруна, он, не решаясь пойти домой к родителям, прячется в тракторной бригаде на краю родного аула.

В укрытии Гусарук проводит полгода. Автор демонстрирует, как герой, раз, перешедший нравственную планку, постепенно теряет в себе все человеческое. Подчиняясь инстинкту самосохранения, он превращается в убийцу доверившегося ему пса.

Следует отметить, что если в поэме М.Ю. Лермонтова «Беглец» аульчане не могут простить Гаруну проявленную им на войне трусость, то в повести Ю.Г. Чуяко «Последний лай старого выжлеца» отношение односельчан к Гусаруку несколько иное.

Повествование часто перебивается воспоминаниями и нравственными размышлениями персонажей. Из этих воспоминаний узнаем, что до войны Гусарук был неплохим трактористом, был добрым, отзывчивым парнем. В частности из уст одного из стариков слышим: «Бедный мальчик. Если уж случилось ему дойти до тракторной бригады, что же он не дошел до дому? Пришел бы... повинулся бы...» [8, с. 16]. Хоть и в тайне, но

останки дезертира жители аула предали земле рядом с могилой недавно похороненного отца. Голодавшего полгода в своем укрытии и не решавшегося выйти к людям Гусарука пожалели люди. Но это не значит, что они простили ему его позорного поступка. Это мы узнаём со слов другого старожилы аула, сказавшего виноватым голосом: «Как ни взгляни, Былау предательства не простил бы. Слишком правильный был человек. И то, что похоронили мы их рядом... Он сейчас, наверное, в могиле переворачивается от обиды и негодования: как же так, его, героя и мировой и гражданской – рядом с трусом?» [8, с. 18].

Герои Ю.Г. Чуюко живут в очень жестокое время. И, обратившись к концепции человека на войне, автор подходит к ней в аспекте решения не только философско-нравственных, но и гуманистических проблем. Главный урок, вытекающий из трагической повести Юнуса Чуюко – невозможность одномерной оценки человека, даже с позиции высокой морали.

Таким образом, сопоставительный анализ поэмы М.Ю. Лермонтова «Беглец» и повести Ю.Г. Чуюко «Последний лай старого выжлеца» показал, что, во-первых, этническая ментальность не исчезает. В новых исторических условиях адыгская этика (адыгство) как ядро соционормативной культуры адыгов по-прежнему оказывает существенное воздействие на все сферы жизни современного общества. Во-вторых, социокультурная модель адыгского общества вообще с трусостью не совместим генетически. По сей день, рыцарская этика даёт о себе знать в умонастроениях, в практическом сознании и поведении адыгов. Вместе с тем, как показывает Ю.Г. Чуюко, социокультурная модель общества не постоянна, она видоизменяется в разные исторические периоды. Глубина исторического мышления Ю.Г. Чуюко проявилась в его стремлении изобразить концепцию человека на войне в потоке изменяющейся действительности. Он, проецируя тему мужества и бесчестия на усложнившуюся ситуацию XX века, демонстрирует творческое отношение к традиции, стремление к её обновлению, оправданное движением времени.

Литература:

1. Бакуменко О.Н. Методика исследования актуализированных лексиконов билингва // Язык и национальные образы мира: материалы Международной научной конференции (20-21 марта 2011 г.). Майкоп, 2011.
2. Ханаху Р.А., Цветков О.М., Костылев С.В. От традиционного менталитета к современному // Мир культуры адыгов. Майкоп: Адыгея, 2002.
3. Паранук К.Н. Мифопоэтика и художественный образ мира в современном адыгском романе. Майкоп, 2012.
4. Костылев С.В. Менталитет адыгского этноса: проблемы становления и эволюции: автореферат дис. ... канд. философ. наук. Краснодар, 2003. 155 с.
5. Ханаху Р.А. Морально-этический феномен адыгагъэ – основа народной культуры // Мир культуры адыгов (проблемы эволюции и целостности). Майкоп: Адыгея, 2002.
6. Бигуаа В.А. Абхазская литература и литература народов Северного Кавказа. Историко-культурный конспект. Диаспора. М, 2011.
7. Глухов А.Н. Эпическая поэзия М.Ю. Лермонтова. Саратов: СГУ, 1982.
8. Чуюко Ю.Г. Последний лай старого выжлеца. Майкоп, 2008.

References:

1. Bakumenko O.N. *Research methodology of updated bilingual lexicons // Language and national images of the world: proceedings of the International Scientific Conference (20-21 March 2011). Maikop, 2011.*
2. Khanakhu R.A., Tsvetkov O.M., Kostylev S.V. *From the traditional mentality to the modernity // World of the Circassians culture. Maikop: Adyghea, 2002.*
3. Paranuk K.N. *Myth poetics and artistic image of the world in the modern Adygh novel. Maikop, 2012.*
4. Kostylev S.V. *Mentality of the Adygh ethnic group: problems of formation and evolution: abstract dis. ... Cand. of Phil. Sciences. Krasnodar, 2003. 155 p.*
5. Khanakhu R.A. *Moral and ethical phenomenon of the Adygh code - the basis of national culture // The World of the Circassians culture (the problem of evolution and integrity). Maikop: Adyghea, 2002.*
6. Biguaa V.A. *Abkhazian literature and literature of the peoples of the North Caucasus. Historical and cultural synopsis. Diaspora. M., 2011.*
7. Glukhov A. N. M.Y. *Lermontov's epic poetry. Saratov: SSU, 1982.*
8. Chuyako Y.G. *The last barking of an old hound. Maikop, 2008.*